

Константин Ю. Лаппо-Данилевский, Андрей Б. Шишкин (ответ. ред.): *Вячеслав Иванов. Исследования и материалы*. Выпуск 1. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом 2010. 840 стр.

Для представления и оценки этого сборника материалов, посвященного жизни и творчеству поэта и теоретика русского символизма Вячеслава Иванова, жанр рецензии, возможно, не совсем подходит. Это связано, по крайней мере, с двумя причинами: во-первых, с сегодняшним состоянием «иванововедения» и, во-вторых, со спецификой творчества (а лучше сказать жизнетворчества) этого автора. Заявленная как первый выпуск в серии «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» книга под редакцией Константина Лаппо-Данилевского и Андрея Шишкина является своеобразным итогом сегодняшнего «иванововедения»: авторы сборника пытались (и преимущественно весьма удачно) учесть почти все опубликованные на сегодня исследования, посвященные жизни и творчеству Вячеслава Иванова, предложенные интерпретации отражают очень широкий европейский культурный контекст; описание отдельных эпизодов и этапов из жизни Вячеслава Иванова опирается на тщательно проанализированные архивные документы. Перечень основных на сегодня публикаций о жизни и творчестве Вячеслава Иванова дан в хронологическом порядке во вступительном слове «От издателей», а в алфавитном – в конце книги в виде списка сокращений. За пределами этого списка осталась разве что изданная недавно (2009, серия «Новое литературное обозрение») в двух томах «Переписка» Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал. Издатели отмечают, что «идея издания серийного сборника «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» возникла в связи с созданием 7 ноября 2008 года Группы по изданию сочинений Вячеслава Иванова в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, главная цель которой – подготовка малого академического собрания сочинений Вяч. Иванова в 12 томах в тесном сотрудничестве с Исследовательским центром Вячеслава Иванова в Риме» (с. 7).

Рецензируемая книга является итоговой, как уже упоминалось, и в смысловом плане, и в организационном, потому что вобрала в себя крупнейший иванововедческий библиографический и концептуальный материал. Сборник отражает историческое и культурологическое значение Вячеслава Иванова в европейском культурном контексте и контексте русского Серебряного века, или же, поддерживая мысли Омри Ронена, – в контексте русского культурного Ренессанса начала XX века. Отмечу, что, по сравнению с исследованиями творчества других корифеев русской литературы этого времени, интерпретации жизни и наследия Вячеслава Иванова в последнее время отличаются количественно и качественно.

Есть, однако, доля правды в том, что Вячеслав Иванов был и остается поэтом во многом отличным от других авторов своего времени. Об этом предупреждают также и составители сборника, цитируя письмо Павла Флоренского – «Но в основе он что-то совсем другое» (5). Отмеченное здесь «совсем другое» по отношению к личности Вячеслава Иванова как бы предполагает соединение в себе дионисийского разгула М. Кузмина, рыцарства у ног Прекрасной Дамы А. Блока, учености Андрея Белого, академичности В. Брюсова, пиетета перед древнегреческой трагедией И. Аннен-

ского и страсти к античности Алексея Лосева. Творчество Вячеслава Иванова представляло такой символический перекресток отмеченных идей, который исследователи традиционно стремятся представить понятием синтеза и к которому, как правило, добавляют еще две важные темы: рецепцию Данте и немецкий романтизм. Своеобразным продолжением творчества Вячеслава Иванова стало его «жизнетворчество», выстраиваемое самим поэтом, с одной стороны, по законам мифотворчества (об этом и пишут авторы статей рассматриваемой книги), а с другой стороны, вопреки и «на вызов» обыденному представлению о семейной жизни, детях, обязанностях.

Композиционно книга состоит из написанного ответственными редакторами введения и четырёх тематических разделов: 1. «Творчество. Мирозозрение»; 2. «Стиховедение»; 3. «Вяч. Иванов и античность»; 4. «Обзоры. Сообщения. Биографические материалы» (в пределах каждого раздела статьи размещены в алфавитном порядке фамилий авторов). Общее содержание книги, с перечнем всех авторов и названиями подготовленных текстов, читатель найдет на соответствующей странице сайта Пушкинского Дома – <http://vyach.ivanov.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10265>. Мы же в этой рецензии постараемся остановиться только на некоторых, как нам кажется, самых важных и концептуальных темах сборника.

Пожалуй, одной из самых насущных проблем в творчестве Вячеслава Иванова был вопрос о гуманизме в самом широком смысле этого слова. С концепцией гуманизма у поэта связывалась идея памяти культуры и репрезентация культуры во всех символических формах и антропологических измерениях. Вячеслав Иванов в статье «Гуманизм и религия» утверждал, что «гуманизм зиждется на памяти, стремясь обрести в ней непреходящую ценность» (цитирую по переводу К. Лаппо-Данилевского, напечатанному в полностью посвященном Вяч. Иванову номере журнала «Символ» № 53-54 за 2008 год, с. 185). В рецензируемой книге с концептом памяти культуры связаны несколько текстов, представляющих как идеологию самого поэта, так и сопоставляющих мысль Вяч. Иванова с теориями других представителей русского Серебряного века. Сердцевинной в этом блоке текстов является статья Константина Лаппо-Данилевского «Примечательные метаморфозы. (Вяч. Иванов в европейском гуманизме)» (99-121), в которой автор анализирует концепцию Вяч. Иванова на фоне широкого материала о европейской концепции гуманизма и публикует карандашный набросок (итальянский оригинал и свой перевод) Вячеслава Иванова «К Пеллегрини», возникший как непосредственная реакция поэта на прочитанную еще в рукописи статью Алессандро Пеллегрини о «Переписке из двух углов».

Этой же теме гуманизма, в широком, антропологическом понимании, отражающем теорию бытия, посвящена статья польского исследователя Анджея Дудека, автора одной из лучших монографий о творчестве Вячеслава Иванова («На пути к «внутреннему человеку»: концепция самопознания в творчестве Вячеслава Иванова», 53-64). Антропологические аспекты в творчестве Вяч. Иванова позволили автору сделать вывод о том, что «в предложенном проекте пути к «внутреннему человеку» упомянутая разновидность герменевтики, кроме издавна присущих ей гносеологических свойств метода познания, по сути дела, становится также своеобразной теорией бытия» (64). Аврил Пайман, как бы продолжая разговор о гуманизме поэта, в своей статье анализирует проблему гуманизма у Вячеслава Иванова в сравнении с концепциями А. Блока и о. Павла Флоренского. Исследовательница интерпретирует проблемы духовного кризиса, влияния Ницше и рождения «нового мифа», отмечая, что «гуманизм приближав-

шийся к концу пути Вяч. Иванов все же принимал только в свете *Esse homo*» (132). Ирина и Омри Ронен посвятили свой текст теме памяти и воспоминания у Вячеслава Иванова и Владислава Ходасевича (133-142).

В первом разделе книги кроме здесь упомянутых напечатаны также тексты так называемого компаративистского плана: статья Всеволода Багно о Сервантесе и Кальдероне как не вечных спутниках Вячеслава Иванова (11-16), статья Василия Рудича о типологии «историко-культурных задач, поставленных ходом движения европейской цивилизации» у Вячеслава Иванова и Томаса Манна (143-173), интереснейшая статья Нины Сегал (Рудник) о мифологеме Диотимы у Б. Пастернака и Вячеслава Иванова (183-204), в которой представлены интерпретации, соединяющие исторический и соответственно литературный планы (ср.: «Образ Диотимы Вяч. Иванова – Зиновьевой-Аннибал периода Башни – может, безусловно, соотноситься типологически со сценическим обликом Дункан» – 189). Другие тексты этого раздела дополняют наше представление о поэтической системе Вячеслава Иванова (статьи Елены Тахо-Годи, Светланы Федотовой), о его связях с русским символизмом и христианством (тексты Татьяны Игошевой, Андрея Топоркова), о концептах души и тела в творчестве поэта (статья Марии Цимборской-Лебоды), наконец – его значение для современной России. Статья известной исследовательницы творчества Вячеслава Иванова Памелы Дэвидсон с названием – «Афины и Иерусалим: две вещи несоместные? Значение идей Вяч. Иванова для современной России» представляет размышления по поводу идеологической парадигмы современной постсоветской России и места в этой парадигме для идей Вячеслава Иванова. Как оказывается, актуальность мыслей поэта обусловлена многими обстоятельствами: «возрождением интереса к национальной идее», актуализацией античности в рамках религиозной традиции, «широким распространением интереса к мистицизму и духу религиозного синкретизма», наконец, реформой школы и высшего образования (70-71).

Второй раздел книги – «Стиховедение» (как отмечают редакторы, впервые в таком объеме представленный исследованиями стиховедческой проблематики Вяч. Иванова) вобрал статьи пяти авторов. В этих текстах анализируются такие вопросы, как сравнение стиховедческих концепций Вячеслава Иванова и Николая Недрово (Сергей Кормилов), переносы (*enjambements*) в поэзии Вяч. Иванова (Светлана Матяш), тонический стих Вяч. Иванова (Владимир Плунгян), два сонетные миницикла, вызванные смертью А. Скрябина (Олег Федотов), Вячеслав Иванов как стиховед и стихотворец (Елена Хворостьянова).

Раздел третий книги посвящен проблеме «Вячеслав Иванов и античность» (отметим в скобках, что такой, казалось бы, весьма логичный, раздел материала является все же проблематичным, ибо, скажем, ни творчество, ни мировоззрение, ни взгляды на стиховедение Вячеслава Иванова невозможны без его концепции античности). В этом разделе представлены отношения Вячеслава Иванова к двум самым крупным фигурам, связанным с изучением античности в России начала 20 века – Иннокентию Анненскому (статья Вадима Полонского о двух моделях античности на рубеже веков, 377-376) и Фаддею Зелинскому (статья Савелия Сендеровича, 391-401). Здесь же статья Светланы Титаренко о толковании заметок Вячеслава Иванова к диалогу Платона «Федр» (402-415), дополняющая и расширяющая наше понимание платонизма поэта, и текст, освещающий тему «Вячеслав Иванов и Плутарх» (автор – Роберт Бёрд, 335-344). Кстати, вывод исследователя по поводу сравнения Вячеслава Иванова с Плутархом весьма инте-

ресный: «На деле Вяч. Иванов оказывался невнимателен к отличительной печати индивидуальных личностей и исторических событий, во всей их случайности и неповторимости. В этом, пожалуй, Вяч. Иванов оказывается менее современен, чем Плутарх» (344). Изданию переводов Вячеслава Иванова древнегреческих поэтов Алкея и Сапфо, вышедших отдельной книгой в 1914 году, посвящена статья Сергея Завьялова «Вячеслав Иванов в работе над греческими папирусами» (354-370). А греческий псевдоним поэта – *Ζακίης* – используемый Вячеславом Ивановым в двух публикациях в журнале «Весы», интерпретирует в своей статье Александр Николаев (371-376).

Весьма важная тема в связи с античностью – это вопрос о влиянии Ницше, который, кстати, изменил не только отношение европейской культурной традиции к самой античности, но и отношение к христианству (обычно в исследованиях фигурирует только одна из этих двух сторон влияния). Филипп Вестбрук в своей статье «Вяч. Иванов о возникновении греческой трагедии и филологические дискуссии начала XX века» (345-353) подводит итоги «плюсов» и «минусов» в теме ницшеанского дионисийства поэта, отмечая, что «Вяч. Иванов не останавливается на реконструкции точной генеалогии трагедии, а соединяет разные ее моменты в обширную концепцию дионисийства» (353).

Чрезвычайно интересным и насыщенным фактами, комментариями и интерпретациями является четвертый раздел книги – «Обзоры. Сообщения. Биографические материалы» (417-807). Этот раздел самый большой по объему и составляет практически половину книги. Материалы раздела очень разнообразны по характеру и концептуальности. В одних случаях это интерпретация разных теоретических подходов к решению филологических проблем (статья Дины Магомедовой о работах М.Л. Гаспарова, посвященных Вяч. Иванову), в других случаях – скрупулезное описание и комментарий этапов жизни Вячеслава Иванова (интереснейшая фактами статья Николая Котрелева о переписке Вячеслава Иванова с Максимом Горьким в 1925-1926 гг.), в третьих – отношение Вячеслава Иванова к разнообразным советским преобразованиям (как, например, статья Дмитрия Сегала об отношении поэта к проблемам еврейского театра «Габима» в 1920-1922 гг.). В этом же разделе целый ряд публикаций на старые и новые темы об отношениях Вячеслава Иванова с М. Кузминым (статья Павла Дмитриева, 533-540), о евангельском смысле слова «земля» у поэта (статья В. Ивлева, 541-548), об Андрее Белом и Вячеславе Иванове в дневнике Георгия Кнорре 1918-1919 годов (статья Олега Лекманова, 670-676).

Для историка русской литературы начала прошлого века вызовет интерес и публикация критических отзывов о творчестве Вячеслава Иванова. В статье Александра Александрова «Вячеслав Иванов в критической оценке А.А. Измайлова» (417-429) представлена оценка творчества поэта со стороны такого критика начала XX века, как Александр Измайлов: «Трагедия Иванова – есть истинная трагедия учености, истинное горе от ума, который съел все, – и живое воображение, и силу наивного творчества, и поэтическую образность, даже простую силу ясного и всем понятного слова» (428). Этот же тон оценки творчества Вячеслава Иванова встречаем мы в отзыве Петра Вейнберга о творчестве поэта. П. Вейнберг был почетным академиком и рецензировал сборник «Кормчие звезды», представленный Вяч. Ивановым в 1904 г. на соискание академической премии А.С. Пушкина. Об этих событиях повествует статья Екатерины Басаргиной «Вячеслав Иванов – соискатель Пушкинской премии» (430-447). В приложении к тексту

статьи дан и сам отзыв П. Вейнберга, в котором можем прочесть о том, что «автор «Кормчих звезд» – один из типичнейших представителей того молодого направления в известной части русской поэзии, которое ставит своею главною задачею (или одною из главных) облечение своих мыслей – когда таковые действительно существуют в голове этих стихотворцев как нечто определенное, выношенное, созревшее, – в одежду совершенно непонятную для здравого смысла даже для самого просвещенного и развитого читателя – непонятную и по основной идее, и особенно по способу, форме выражения ее» (439).

Рецензируемая книга интересна также и весьма конкретной информацией, касающейся жизни Вячеслава Иванова: от его уроков у Соссюра по санскриту (18 и др.) до круга чтения поэта в Женевской библиотеке: книги, которые Вяч. Иванов заказывал в 1903 году, анализируются и описываются в статье Николая Богомолова «К изучению круга чтения Вячеслава Иванова» (448-461). Михаэль Вахтель в статье «Неизвестное немецкое письмо Вяч. Иванова: штрихи к портрету русского мыслителя в Европе» (462-468) представляет письмо поэта 1937 года к богослову и философу Якобу Гоммесу по поводу энциклопедической статьи о русской духовности для японских католиков. Юлия Галанина в статье «О некоторых реалиях в мифологическом пространстве Башни Вяч. Иванова» (469-492) реконструирует миф о Башне Вячеслава Иванова, детально описывая ее архитектуру и даже воспроизводит фрагменты чертежей (487). Обширный текст Геннадия Обатнина повествует об оценке смерти Вячеслава Иванова в русской зарубежной прессе (684-721). Замыкает четвертый раздел сборника объемный текст Андрея Шишкина, посвященный материалам к теме «Вяч. Иванов и пушкиноведение» (780-807), в котором очерчены аспекты влияния Пушкина на поэзию символистов, пушкинская тема в творчестве Вячеслава Иванова и «пушкинская» деятельность поэта.

Первый том исследований и материалов о Вячеславе Иванове кроме собственно историко-литературной ценности побуждает к размышлению о стратегических и парадигматических измерениях сегодняшнего литературоведения. Вне всякого сомнения, отличительным положительным качеством здесь выступает столь редкое во всевозможных современных дискурсологических интерпретациях чувство историзма. Историзмом проникнуты не только попытки реконструкции русской и европейской культурной и литературной ситуации первой половины XX века, но и анализ важнейших для творчества Вячеслава Иванова понятий и концепций. В качестве примера назовем хотя бы уже упоминаемую выше статью Филиппа Вестбука «Вяч. Иванов о возникновении греческой трагедии и филологические дискуссии начала XX века», где концепция русского поэта анализируется на фоне важнейших европейских концепций о возникновении древнегреческой трагедии. В то же время со многими тезисами и положениями, высказанными в книге, можно дискутировать, они приглашают к широкому филологическому и философскому разговору – будь то размышления о Серебряном веке в статье Савелия Сендеровича (391), интерпретация мировоззрения и идеологии Томаса Манна в тексте Василия Рудича (143-173) или же предположения о возможном источнике образа Христа в поэме А. Блока «Двенадцать» и в связи с этим «ивановском» контексте в статье Сергея Доценко (42-52).

Давние слова Алексея Лосева о том, что «Иванов никогда не будет популярен», «он слишком умный, слишком необычный», вполне справедливы по отношению к обыденному читателю, но их парадоксально опровергают

сегодняшние многочисленные исследования жизни и творчества поэта. Хочется верить, что за этим кроется истинная любовь к филологии и настоящей поэзии. Нам же осталось добавить, что рассматриваемая книга иллюстрирована фотографиями и факсимиле рукописей, а также снабжена именным указателем и в этом плане представляет собой хорошее руководство по лабиринтам сегодняшнего «иванововедения».

Седльце, Польша
(mnichrw@yahoo.de)

Роман Мних